

Веста Верецк

*Свет в ноги
или
Ты ли это?*

Веста Вереск

Свет в ночи, или Ты ли это?

«Автор»

2026

Вереск В.

Свет в ночи, или Ты ли это? / В. Вереск — «Автор», 2026

Ей снится костёр. Каждую ночь — одно и то же: женщина у столба, мужчина с факелом, слёзы на его лице. Марфа, хозяйка портового дома, давно не верит снам. Но когда на пороге появляется чужеземец с золотым перстнем, она узнаёт его взгляд — тот самый, из сна. Анатолий знает о ней то, чего не знает никто. Он пришёл не случайно. В его руке — ключ к прошлому, в котором они уже любили друг друга. И уже теряли. Но прошлое не отпускает: бывший воевода, отвергнутый и опасный, плетёт сети. А сын Марфы, запутавшийся в долгах, готов на всё. Теперь у Марфы есть выбор: остаться одной в мире, где всё понятно, или довериться тому, кто обещает защиту — и сам рискует головой. Свет в ночи — это не просто свет. Это ты.

© Вереск В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Утро Марфы	7
Глава 2. Те, кто приходит в сумерках	9
Глава 3. Тот, кто ждёт своего часа	12
Глава 4. Тот, кто видит огонь	14
Глава 5. Сны и явь	17
Глава 6. Тот, кто плетёт	21
Глава 7. Тени и шепотки	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Веста Вереск

Свет в ночи, или Ты ли это?

Веста Вереск
Свет в ночи или
Ты ли это?

Пролог

Между сном и явью она видит дерево. Не обычное, не живое — шкала дат, уходящая корнями в никуда, ветвящаяся веками. На нем светятся цифры. Одни мерцают еле-еле, другие горят ровно и холодно. А одна — 1549 год — пульсирует, словно живая. Девушка смотрит на неё и чувствует: туда.

Она — небольшой светящийся шар, теплый, будто уголек, бережно укутанный в собственную оболочку, — влетает в эту цифру. И мир затягивает её, как воронка, выворачивая наизнанку.

Глава 1. Утро Марфы

Серый свет сочился сквозь высокие окна-арки, прорезанные почти под самым потолком. Их не закрывали ставнями, и северный день, какой бы он ни был, безжалостно высвечивал каждую царапину на половицах, каждое пятнышко на тяжелых дубовых столах. В зале их было четыре, и за каждым — лавки, грубо сколоченные, но крепкие. Никаких тебе стульев. Здесь не ждали неженков.

Пахло старой древесиной, впитавшей в себя десятки зим, воском, которым натирали полы, и чем-то сладковато-пряным — травами, что развешивала Марфа по углам, чтобы дух перегара и чужих страстей не въедался в стены. Каждое утро она сама обходила залу, проводила пальцем по столам, заглядывала под лавки. Если находила пятно — служка летел в кухню, а оттуда — на конюшню, чистить стойла. В доме Марфы было чисто. Это знали все.

Барная стойка стояла особняком — гордость хозяйки. Её сделали год назад по её заказу в столярной мастерской при порте. Гладкое дерево, отполированное до маслянистого блеска, пахло смолой и мастерской, как новая лодка, только что спущенная на воду. За этой стойкой Марфа принимала плату, хранила лучшие настойки и следила за порядком.

Сейчас хозяйка стояла у стойки, оперешись на неё тяжелой ладонью. На женщине была черная приталенная блузка с рукавами-фонариками — память о временах, когда муж был жив и в доме водились другие деньги, — и длинная юбка до полу. Волосы убраны, лицо строгое, глаза — серые, с холодцой, как нельская вода в ноябре.

Спала она сегодня плохо. Снилось что-то странное — свет и числа, и чувство полета, от которого до сих пор слегка кружилась голова. Но Марфа не привыкла жаловаться на хворь или дурные сны. Она вздохнула, взяла тряпицу и принялась протирать стойку, хотя та и так сияла.

В залу влетела Агафья — молодая, бойкая, одна из тех, кого Марфа взяла три года назад из голодной семьи.

— Хозяйка, а хозяйка! Степан ваш... того... — девка замялась, теребя край фартука.

— Чего — того? — Марфа не повысила голоса, но Агафья съежилась.

— В кухне он. Сидит на лавке, бледный. Требуется, чтоб вы к нему вышли.

Марфа медленно положила тряпицу. Расправила плечи. И пошла на кухню тяжелым, размеренным шагом, от которого половицы слегка поскрипывали.

Степан сидел за столом, подперев голову руками. Его русые волосы слиплись, рубаха мятая, сапоги в грязи. Небритый, с красными глазами, он походил на пса, которого кто-то знатно потрепал.

— Мать, — прохрипел он, не поднимая головы. — Дай денег.

— Здравствуй, сынок, — ровно ответила Марфа. — С возвращением. Где пропадал три дня?

— Дела. Дай денег, я говорю.

— Какие дела у тебя, Степан? В кабаке пил да в кости играл? Или снова к ростовщикам ходил?

Он поднял голову. Глаза — злые, но в них же — детская беспомощность, которую Марфа знала слишком хорошо.

— Проигрался. Они сказали — если не отдам к вечеру, руки переломают. Мать, ты же не хочешь, чтоб твой сын калекой стал?

Марфа молчала. Смотрела на него — на этого мужчину, которому давно перевалило за двадцать, который был выше её на голову и шире в плечах, но так и остался мальчишкой, ждущим, что мать разгребет его дерьмо.

— Денег не дам!, — сказала она.

Степан вскочил. Лавка заскрежетала по полу.

— Ты! — закричал он. — У тебя сундуки ломятся от серебра, а родному сыну копейки жалко! Кому ты всё это оставишь? Мне! Всё равно мне!

— Тебе? — Марфа усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что Степан на миг опешил. — Ты пропьешь всё, Степан. Недели не пройдет. Я знаю.

— Тогда не проси потом, чтоб я тебя защищал! — он ударил кулаком по столу, так что кружка подскочила. — Придут чужие, спросят, откуда у бабы такой дом, что скажешь? Кто за тебя вступится?

Марфа шагнула к нему. Не быстро, но так, что Степан невольно отступил.

— В этом доме, — сказала она тихо, почти шепотом, — я сама за себя стою. Двадцать лет стою. И без тебя стояла, и с тобой, и вопреки. А теперь — убирайся.

Она развернулась и вышла, не оглядываясь. Слышала, как он выругался, как ударил сапогом в дверной косяк, как вылетел за высокий порог, хлопнув дверью. Слышала, как Агафья испуганно охнула где-то в коридоре.

Марфа вернулась в залу. Подошла к стойке. Взяла тряпицу. И продолжила протирать то, что и так сияло.

Через час дом зажил своей обычной жизнью. Девки мыли полы, меняли постельное белье, перебирали запас свечей. На кухне гремели горшками. С улицы доносился шум портового города — крики грузчиков, скрип телег, редкие удары колокола. Марфа раздала указания, проверила кладовую, поговорила с ключницей о завтрашних поставках рыбы.

К вечеру, когда в доме начали зажигать свечи, она на минуту остановилась у окна. За высокими арками темнело небо, низкое, свинцовое. Где-то там, за портом, начинались чужие земли, чужие города. Там люди жили иначе. Может быть, легче. А может, и нет.

Марфа провела ладонью по гладкой стойке, чувствуя под пальцами прохладу отполированного дерева.

— Начинаем, — сказала она тихо, себе. И подняла голову, расправив плечи.

Сегодняшний вечер обещал быть шумным. В порт пришел большой корабль из-за моря, и с ним — новые лица, новые деньги. И новые слухи. Марфа чувствовала это нутром — так чувствуют звери приближение урагана.

Она ещё не знала, что среди этих новых лиц окажется тот, кто перевернет её мир. И что сын её, Степан, уже придумал, как сыграть на этом.

Но это будет вечером. А пока — Марфа стояла за своей стойкой, прямая, строгая, и смотрела на дверь, в которую вот-вот начнут входить гости.

Свет падал на её лицо, и в нем не было ни тени мягкости. Только усталость. И воля. Та самая, что двадцать лет держала этот дом на плаву, а её саму — на ногах, когда всё вокруг пыталось только сломать.

За дверью уже слышались голоса. Марфа поправила рукав, коснулась рукояти плети, висевшей под стойкой, и улыбнулась уголком рта. Не гостеприимно — скорее, предвкушая, как всегда, когда вечер обещал быть жарким.

— Ну, — сказала она невидимому собеседнику, — посмотрим, кто сегодня пожалует.

И первый гость распахнул дверь.

Глава 2. Те, кто приходит в сумерках

К вечеру дом наполнился голосами.

Свечи в тяжёлых подсвечниках горели ровно, бросая жёлтые пятна на лица, на столешницы, на гладкую стойку. В воздухе висели запахи жареного мяса, хмеля, дешёвых духов и дорогого воска — для особых гостей Марфа зажигала свечи из пчелиного воска, не жалея. На таких мелочах и держалась репутация.

Девки сновали между столов — кто с подносом, кто с кувшином, кто просто так, чтобы видели, улыбались. Марфа стояла за стойкой, прямая, как колода, и цепким взглядом окидывала залу. Всё шло своим чередом. Торговцы с порта, местные ремесленники, пара заезжих купцов. Ничего необычного.

Но что-то было не так. Она чувствовала.

— Хозяйка, — Агафья подскочила к стойке, шепотом, — там... наш воевода пожаловал. Один. Сидеть изволил в углу.

Марфа не удивилась. Василий Петрович захаживал. Не часто, но исправно. Садился в дальний угол, за стол, откуда виден весь зал,пил медовуху, молчал. Иногда ловил её взгляд. Она делала вид, что не замечает.

— Пусть сидит, — ответила Марфа. — Медовуху ему поставь, с мятой, как любит.

Агафья кивнула и упорхнула.

Марфа невольно бросила взгляд в угол. Василий Петрович уже сидел на лавке, положив руки на стол. Высо-

кий, плечистый, он всё равно держался прямо, даже отдыхая. При оружии — короткая сабля у пояса, кинжал за голенищем. Седина на висках серебрилась в свете свечей, карие глаза смотрели тяжело, исподлобья. Без бороды, чисто выбрит — Марфа одобрила бы, если бы её кто спросил. Она вообще не любила мужиков с бородой.

Он встретил её взгляд, чуть приподнял кружку. Она не ответила. Отвернулась.

Через час, когда в доме стало особенно шумно, хлопнула входная дверь. Не с силой, не с размаху — спокойно, уверенно. Марфа подняла глаза.

На пороге стоял мужчина.

Она не знала его. Но всё в нём было не здешним. Чёрная рубаха с длинным рукавом, поверх — кожаная жилетка до бедер, стянутая широким ремнём. Обтягивающие штаны из чёрной кожи заправлены в высокие сапоги. Короткая стрижка, строгий взгляд. Ничего лишнего.

Он не смотрел на девок. Не смотрел на гостей. Сразу, с порога, нашёл глазами стойку. Нашёл её.

Марфа замерла на миг. Только на миг. Потом снова взяла тряпицу, будто ничего не случилось.

— Проходи, гость, — сказала ровно. — Места всем хватит.

Он подошёл к стойке. Не к столу, а именно к стойке.

Встал напротив неё, положил на гладкое дерево руку — с длинными пальцами. Пахло от него дорогим табаком и чем-то ещё, не здешним, морским.

Марфа невольно скользнула взглядом по его руке и заметила: на безымянном пальце правой руки тускло блеснуло золото. Перстень. Неброский, но массивный, с тёмным камнем, на котором угадывался отпечаток — медвежья лапа. Такие носят те, кто привык, чтобы их узнавали без лишних слов.

— Мне говорили, здесь можно найти не только отдых, но и ответы, — сказал он тихо, чтобы только она слышала.

Голос — низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Голос, который она не знала, но который почему-то отозвался где-то глубоко, под рёбрами.

— Здесь платят за всё, — ответила Марфа, не меняя лица. — За ответы — вдвойне.

Он усмехнулся уголком рта, достал из-за пазухи серебряный рубль, положил на стойку. И когда потянулся за монетой, рукав чёрной рубахи чуть сполз, открывая запястье. Перстень на мгновение оказался на свету — тяжёлое золото, тёмный камень, чёткий оттиск звериной лапы. Марфа запомнила.

— Начнём с настойки. А там посмотрим.

Он опустил руку, и перстень скрылся в складках рукава, но она уже всё рассмотрела.

Агафья принесла настойку, поставила перед гостем, но он даже не взглянул на неё. Всё смотрел на Марфу. Взял кружку — и перстень снова блеснул, будто подавая знак.

— Как звать-то тебя, хозяйшук? — спросил он.

— Марфа.

— А меня — Анатолий.

Она взяла его рубль, бросила в ящик под стойкой. Рука не дрогнула.

— Пей, Анатолий, — сказала. — И смотри по сторонам. Здесь много кто платит. Не все получают, что хотят.

Он поднял кружку, сделал глоток, не сводя с неё глаз.

— Я терпеливый, Марфа. Могу и подождать.

Он отпил ещё, поставил кружку на стойку и словно бы невзначай повёл плечом, разворачиваясь полубоком. Так, чтобы видеть и её, и залу. Взгляд его скользнул в угол, туда, где за столом сидел Василий Петрович. Воевода не скрывал своего интереса: смотрел на Анатолия тяжело, недобро, пальцы стискивали кружку так, что побелели костяшки.

Анатолий на мгновение задержал на нём взгляд. «Кто он ей? — пронеслось в голове. — Муж? Нет, она одна, это видно по тому, как она держит себя. Охранник? Слишком высокого полёта. Любовник?» Он незаметно усмехнулся. Если и любовник, то давний и безответный — в глазах Марфы, когда она смотрела на воеводу, не было и тени тепла. Скорее привычная усталость, как от надоевшей, но неизбежной обузы.

«Что ж, это многое объясняет, — подумал Анатолий. — Она здесь главная. И тот, кто хочет быть рядом, должен это принять».

Он снова перевёл взгляд на Марфу. Она как раз поправляла бутылки на полке, и свет свечи падал на её лицо, высвечивая резкие скулы, упрямо сжатые губы, морщинку меж бровей — след долгой привычки держать всё под контролем. «Сколько тебе лет, Марфа? — мысленно спросил он. — И как долго ты уже не позволяешь себе расслабиться?»

Она словно почувствовала его взгляд — повернулась, встретила с ним глазами. На мгновение. Ни улыбки, ни вопроса. Просто смотрела, и в этом взгляде было предупреждение: «Я всё вижу». Но не было страха.

Анатолий чуть склонил голову, принимая правила. «Хорошо, — сказал он себе. — Посмотрим, кто из нас устанет ждать первым.

Из угла послышался шум отодвигаемой лавки. Василий Петрович вышел на середину зала, руки на поясе, глаза смотрят на Анатолия.

— Гость, — голос воеводы прозвучал гулко, перекрывая гомон. — Ты по делу или так, погулять?

Анатолий медленно повернул голову. Не торопливо, не испуганно — так смотрит человек, который привык, что к нему обращаются иначе.

— По делу, — ответил спокойно. — Но это дело — моё. И, кажется, не ваше.

Василий Петрович шагнул ближе. Марфа положила руку под стойку, туда, где висела плеть.

— В моём городе, — сказал воевода, — все дела становятся моими. Особенно когда незнакомые люди приходят в неподобающие места и задают лишние вопросы.

Анатолий отставил кружку. Встал со скамьи — и вдруг стало видно, что он не уступает в росте и стати, просто держится иначе, без напора.

— Я пришёл сюда не спорить, — сказал он. — И не нарушать ваших порядков. Я пришёл выпить настойки и поговорить с хозяйкой. Разве это преступление?

В зале стало тихо. Девки замерли, гости перестали жевать.

Марфа сжала рукоять плети.

— Хватит, — сказала она негромко, но так, что слышали все. — Василий Петрович, этот гость мой. Обиды не чинит. А вы, — она взглянула на Анатолия, — пейте тихо и без выкрутасов. У меня дом, а не торжище.

Воевода постоял, сверля чужака взглядом. Потом хмыкнул, повернулся и, не оглядываясь, пошёл к своему столу.

Тишина начала рассеиваться, голоса вернулись, сначала шёпотом, потом громче.

Мужчина перевёл глаза на Анатолия, скользнул по нему — от сапог до короткой стрижки — и вдруг оскалился в подобии улыбки. Потом развернулся и исчез в темноте коридора, не сказав ни слова.

Анатолий проводил его взглядом, затем снова посмотрел на Марфу. Она не видела того, кто стоял в проходе. Или делала вид, что не видит.

«Сын? — подумал Анатолий. — Или тот, кто живёт здесь на правах безнаказанности?»

Он не стал спрашивать. Пока не стал.

Анатолий снова сел, взял кружку, поднёс к губам. Но Марфа видела: он улыбается. Не победно, не дерзко — а так, будто только что понял что-то важное.

Она отвернулась, делая вид, что переставляет бутылки. Но в груди всё ещё отдавалось эхо его голоса. И ещё — золотое пятно перстня, мелькнувшее на свету, не выходило из головы.

Ночь только начиналась. И Марфа вдруг почувствовала — она уже не хозяйка своего покоя. Как в тот миг, когда проснулась утром с ощущением полёта.

Пришли перемены. Не спрашивая разрешения.

Глава 3. Тот, кто ждёт своего часа

Степан не спал.

Он сидел в дальней каморке за кухней, на лавке, покрытой старым полушубком, и сжимал в пальцах глиняную кружку с подкисшим элем. Горькое, тёплое пойло не брало. Мысли лезли в голову липкие, как смола, и он не мог их отогнать.

Он всё видел и помнил!

Помнил, как мать выставила его утром, не дав ни гроша. Видел, как она потом целый день ходила по дому, прямая, холодная, словно он для неё пустое место. А вечером, когда он, как побитый пёс, пробрался через чёрный ход, чтобы хоть здесь, в каморке, переждать ночь — он увидел другое.

Сначала воевода. Этот старый хрыч с вечно постной рожей, который смотрит на мать так, будто она его собственность. Степан криво усмехнулся. Холмогоров думает, что он тут хозяин? Пусть думает. Пока он не лезет — и ладно.

Но потом появился тот, другой.

Степан замер в проходе, когда незнакомец вошёл в залу. Высокий, поджарый, одет как-то не по-нашему — дорого, но без лишней вычурности. Сапоги, кожа, короткая стрижка. И взгляд. Такой взгляд бывает у тех, кто привык смотреть сверху вниз. Степан таких сразу чувствует.

А потом он подошёл к стойке. К ней. И мать — его мать, которая никогда никому не улыбается, которая держит всех на расстоянии — не прогнала его. Она стояла и слушала. И даже когда воевода поднялся и попытался наехать, она вступилась за чужого.

Степан видел это. Видел её лицо, когда она смотрела на того, с перстнем. В её глазах не было страха. Не было жалости. Там было что-то другое — то, чего Степан у неё никогда не видел. Интерес. И это бесило больше всего.

Он допил эль, отставил кружку, устался в тёмный угол. В голове шумело.

— Думаешь, ты тут главный? — прошептал он в пустоту. — Ничего. Посмотрим.

Он знал, что мать не даст ему денег. Значит, надо брать самому. Или найти того, кто даст. Воевода? Нет, этот себе на уме. Он скорее сгноит Степана в портовой яме, чем позволит приблизиться к матери. А вот этот... этот приезжий — он другой. Он не знает местных порядков. И у него, судя по перстню, есть деньги.

Степан медленно улыбнулся. Если приезжий так хочет быть рядом с матерью, можно сделать так, чтобы он захотел быть другом её сына. А если не захочет — что ж, есть и другие способы. Степан знал тут каждого. И портовая стража, и воры с торговых рядов, и те, кто спит с ножом под подушкой. Он умел договариваться. Умел ждать.

А мать... мать ещё пожалеет, что не дала ему того, что он просил.

Он поднялся, прошёлся по каморке, нашарил в углу грязную рубаху, натянул поверх своей. Завтра нужно будет выглядеть прилично. И нужно будет подойти к этому... Анатолию. Познакомиться. Проявить сыновью почтительность. Посмотреть, что за зверь.

А потом — решать, как его использовать.

Степан усмехнулся, лёг на полушубок, уставился в потолок, где трещины складывались в причудливую карту. Он знал эту карту. Знал каждый ход в этом доме, каждую слабость матери, каждую её привычку. И он знал, что рано или поздно всё, что здесь есть, станет его. Он просто должен немного помочь судьбе.

В зале затихали голоса. Девки расходились по комнатам, тушили свечи. Где-то хлопнула дверь. Степан прикрыл глаза, но не спал. Он думал.

Марфа гасила последние свечи в зале, когда услышала шаги за спиной. Не обернулась. Знала.

— Не спится, матушка? — Степан вышел из тени, остановился у стойки, опёрся локтем о гладкое дерево, которое так любила мать.

— Тебе что, — ответила она, не поворачиваясь. — Выспался днём, теперь шастаешь.

— Я видел твоего гостя, — сказал Степан. В голосе его звучала наигранная расслабленность, но Марфа уловила под ней другое. — Видный мужчина. Одет дорого. Откуда он?

— Не твоё дело, — Марфа взяла тряпицу, привычно натирая стойку, хотя та была чиста.

— Всё моё дело, матушка. Я твой сын. И если кто-то крутится возле нашего дома, я должен знать, чего он хочет.

Марфа наконец повернулась, посмотрела на Степана в упор. Тот не выдержал взгляда, отвёл глаза.

— Ты, — сказала она тихо, — хочешь только одного: чтобы я заплатила твои долги. И не прикрывайся заботой. Этот человек заплатил за настойку и ушёл. Если вернётся — заплатит снова. И всё. А ты — иди спать. Завтра с утра поможешь Агафье дрова перетаскать. Может, работа выветрит из головы дурь.

Она отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Степан постоял ещё мгновение, разглядывая её спину, узкие плечи, туго стянутые волосы. Потом усмехнулся и пошёл прочь, тихо ступая по скрипучим половицам.

В проходе он остановился, обернулся. Марфа всё ещё стояла у стойки, и свет догорающей свечи падал на её лицо. Она выглядела усталой. И... Степан не мог точно определить — но ему показалось, что она смотрит не на стойку и не на дверь. Она смотрит куда-то сквозь стены, туда, где уже не видно ничего, кроме темноты.

Он почувствовал укол чего-то, похожего на ревность. Или страх. Или то и другое вместе.

— Погоди, мать, — прошептал он. — Всё твоё — моим будет.

И ушёл в темноту, не слыша, как за спиной тихо вздохнула Марфа.

На улице моросило. Холодный ветер тянул с залива, и фонари на столбах раскачивались, роняя мутный свет. Степан вышел через чёрный ход, прижался спиной к стене, глядя на окна дома. В одном из них, на втором этаже, мерцал свет зажжённой свечи — комната матери. Она не спала. «Думает, — зло подумал он. — О ком? О том, с перстнем? Или о том, как от меня избавиться?»

Он сплюнул под ноги, поправил рубаху и зашагал к портовым кабакам. Там всегда можно найти тех, кто умеет слушать. И тех, кто умеет помогать.

Сегодня он узнал, что в городе появился новый человек. А завтра он узнает, зачем он приехал. И что ему нужно на самом деле.

А потом — будет видно.

Глава 4. Тот, кто видит огонь

Ночью Анатолию приснился костёр.

Он стоял на помосте, сбитом из сырых досок, и смотрел вниз. Под ногами гудела толпа — сотни лиц, размытых, одинаковых, с открытыми ртами. В руках он держал факел. Тяжёлый. Жар от него лизал лицо, пахло смолой и чем-то ещё — сладковатым, приторным, от чего подкатывала тошнота.

Напротив, привязанная к столбу, стояла женщина. Лица её он не видел — тень падала на него, или время стёрло черты. Но знал: она молода. И она не кричала. Она смотрела на него — сквозь дым, сквозь страх, сквозь тысячу лет, которые ещё не наступили.

— Сделай это, — сказала она. Голос был спокойным. Почти ласковым. — В этот раз — сделай.

Он хотел крикнуть, что не может, что рука не поднимется, что он скорее бросит факел в толпу, чем в неё. Но тело не слушалось. Рука поднялась сама. Факел полетел вниз, в сухую солому у её ног. Пламя взвилось, и в этом пламени он наконец увидел её лицо.

Она улыбалась.

Анатолий проснулся с криком. Сел на узкой койке, хватая ртом воздух. Рубаха прилипла к спине, в ушах гудело, а перед глазами всё ещё стояло её лицо. Он не помнил его. Не мог вспомнить черт. Но знал — он видел это лицо сегодня. В том доме. У стойки.

— Марфа, — прошептал он в темноту. Имя обожгло губы.

Он поднялся, прошёлся по комнате. Постоял у окна, глядя на тёмные крыши портового города, на редкие огни фонарей, на чёрную воду залива. Сон уже начал распадаться, ускользая, как вода сквозь пальцы. Но одно осталось: тяжесть в груди. И стыд. Непонятный, древний стыд, будто он когда-то совершил нечто непоправимое. И будто это «нечто» было связано с ней.

Он посмотрел на свою правую руку. Перстень с медвежьей лапой тускло блеснул в лунном свете. Его отец говорил, что этот перстень носили ещё прадеды, что он — знак рода, память. О чём? Отец не знал. Или не хотел говорить.

— Кто ты, Марфа? — спросил Анатолий у ночи. — И кто я для тебя?

Ночь не ответила. Только ветер донёс с залива запах соли и гниющих водорослей.

Он не лёг больше. До утра сидел у окна, глядя, как бледнеет небо, как первые петухи перекликаются за стенами, как порт начинает свою медленную, тяжёлую жизнь. Когда на востоке занялась заря, он умылся ледяной водой, надел свежую рубаху, затянул пояс. Перстень привычно утяжелял палец.

Сегодня он пойдёт к ней снова. Не по делу. Просто чтобы увидеть. Чтобы проверить — повторится ли то, что было вчера? Тот странный холод в груди, когда она смотрела на него. Или тот жар, что вспыхнул, когда она произнесла своё имя.

Он вышел на улицу. Город просыпался: где-то скрипели телеги, бабы тащили корзины с рыбой, мужики перекликались у трапа. Анатолий шёл быстро, не глядя по сторонам, и всё, что было вокруг, казалось ему неважным, ненастоящим. Настоящее было там — в доме с высокими окнами, за стойкой из гладкого дерева.

Когда он толкнул дверь, в зале было ещё пусто. Только девки протирали столы, да в углу досыпал какой-то подвыпивший купчина. Марфа стояла за стойкой, наводя порядок. Услышав шаги, подняла голову.

— Рано ты, гость, — сказала она ровно. — Настойка ещё не готова, кухня не топилась. Приходи к вечеру.

— Я не за настойкой, — ответил Анатолий, остановившись напротив.

Она отодвинула бутылку, оперлась ладонями о стойку. Смотрела в упор, без улыбки, но и без враждебности. Просто ждала.

— А за чем же? — спросила.

Он выдержал паузу, разглядывая её лицо. Усталое, резкое, с плотно сжатыми губами. И глаза — серые, холодные, но в глубине что-то шевельнулось, когда он заговорил.

— Хочу понять, — сказал он негромко. — Вчера я вошёл в твой дом, и мне показалось, что я здесь уже был. Твоё лицо... я его знаю. Но откуда — не помню.

Марфа усмехнулась, но без насмешки.

— Много кто говорит, что моё лицо им знакомо, — ответила она. — Обычно после третьей кружки.

— Я не пил вчера твоей настойки, — напомнил он.

Она промолчала, и в этом молчании он почувствовал, что она не отмахивается. Она тоже что-то чувствует, но не хочет показывать.

— Тот, кто был вчера в проходе, — спросил Анатолий, меня направление, но не отпуская её взгляда. — Молодой, нечёсанный. Он кто тебе?

— Сын, — ответила коротко.

— Он смотрел на меня так, будто я у него что-то украл.

Марфа отвела глаза, провела пальцем по столешнице.

— Степан никому не даёт спокойно дышать, — сказала она глухо. — Особенно тем, кто ко мне подходит. Это его способ напоминать, что он здесь мужчина.

— А вы считаете иначе? — спросил Анатолий.

Она подняла голову, и в её взгляде мелькнуло что-то острое, почти злое.

— В этом доме мужчина — я, — сказала она. — Сын этого не принимает. А мне уже всё равно, принимает он или нет.

Анатолий кивнул. Не то чтобы понял, но принял как факт.

— А тот, что сидел в углу? — спросил он. — С проседью. Тоже ваш мужчина?

Марфа усмехнулась, на этот раз с явной иронией.

— Василий Петрович сам себя так считает. Я ему этого не обещала.

— А мне показалось, он на меня смотрел, как на соперника.

— Это он на всех так смотрит, — отрезала Марфа. — Привык считать город своим, а меня — частью города. Не обращайтесь внимания.

Анатолий помолчал, потом спросил:

— А вы? Вы на меня как смотрите?

Вопрос повис в тишине. Марфа не отвечала, и он видел, как она колеблется — что-то не давало ей ответить так же легко, как про воеводу или сына.

— Не знаю, — сказала она наконец. И это было честнее любых слов.

— Я тоже не знаю, — признался Анатолий. — Но я хочу это понять.

Марфа смотрела на него долго, и в её взгляде он разглядел нечто, чего она, наверное, не хотела показывать: усталость от одиночества, которую она прятала за строгостью, и любопытство — опасное, запретное, от которого она отвыкла.

— Ты зачем сюда пришёл? — спросила она, переходя на «ты» неожиданно, будто само сорвалось. — Правду говори.

— У меня дело в городе, — ответил он так же тихо. — Но когда я увидел тебя вчера... понял, что дело это подождёт.

— Чего ты хочешь? — спросила она, и в голосе прорезалось что-то усталое, почти обречённое.

Он помедлил, разглядывая её лицо — слишком напряжённое для утра, слишком закрытое для женщины, которая привыкла, что её боятся.

— Пока — просто сидеть здесь, — сказал он негромко. — Смотреть, как ты работаешь. Слушать, как ты говоришь.

— За это не платят, — ответила Марфа, и в её голосе уже не было прежней жёсткости. Скорее удивление — и что-то ещё, похожее на осторожную надежду.

— Я пришёл не за покупкой, — сказал Анатолий. — Я пришёл, потому что не могу иначе. Марфа перевела взгляд на его руку, лежащую на стойке. На перстень с медвежьей лапой.

— Красивый, — сказала она. — Родовой?

— От отца. Говорит, память рода. А что помнить — не сказал.

— Может, и хорошо, — тихо проговорила Марфа. — Иногда лучше не помнить.

Анатолий заметил, как её пальцы дрогнули, словно она хотела коснуться перстня, но не позволила себе.

— Вы тоже что-то помните? — спросил он. — То, чего не было?

Она встретила его взгляд, и в её глазах он увидел тот самый огонь, который мучил его во сне.

— Мне сегодня приснилось, — сказала она медленно, — что я сгорела заживо. А тот, кто держал факел, смотрел на меня и плакал. И мне было его жаль.

Анатолий побледнел. Сжал пальцы в кулак, чувствуя, как под кожей пульсирует кровь.

— Мне сегодня тоже приснился костёр, — сказал он. — И женщина, которая не кричала. Она улыбалась.

Марфа смотрела на него, не дыша.

— Ты знаешь, кто она была? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Но когда я проснулся, я знал её имя. Твоё имя.

В зале было тихо. Слышно только, как за окном кричат чайки да потрескивают свечи. Марфа медленно выдохнула, провела ладонью по лицу, будто стирая наваждение.

— Это всё глупости, — сказала она хриловато. — Сны... они не значат ничего.

— А если значат? — спросил он.

Она посмотрела на него — долгим, тяжёлым взглядом. — Тогда, — сказала она, — нам лучше держаться друг от друга подальше.

— Ты этого хочешь? — спросил Анатолий.

Марфа не ответила. Отвернулась к бутылкам, поправила одну, вторую, хотя они и так стояли ровно.

— Иди, — сказала она, не глядя. — Мне работать надо. Он не двинулся с места.

— Я приду вечером, — сказал он. — Если ты позволишь.

Она обернулась. В серых глазах метнулось что-то — испуг, надежда, гнев, — и снова ушло в глубину.

— Приходи, — сказала она. — Посмотрим, что из этого выйдет.

Он кивнул и направился к выходу. У двери обернулся.

— Марфа.

— Что?

— Тот сон, про костёр... мне было больно. Но я не жалел, что держал тот факел. Я жалел, что не смог её спасти.

Она стояла неподвижно, только побелевшие пальцы вцепились в край стойки.

— Иди, — повторила она, но голос дрогнул.

Он вышел. И только тогда Марфа позволила себе опустить голову, сжать зубы, сдерживать то, что рвалось наружу. Перед глазами всё ещё стояло его лицо — и костёр, который она видела сегодня ночью, горел теперь у неё в груди.

Она не знала, что это. Память, бред, безумие? Но одно знала точно: этот человек вернётся. И она его не прогонит.

Глава 5. Сны и явь

Марфе приснился костёр.

Она стояла на сырых досках помоста, привязанная к грубому столбу. Вокруг — толпа. Лица расплывались, но она чувствовала их дыхание, их жажду, их звериный восторг. Пахло сыростью, дымом и страхом — не её, чужим.

Перед ней стоял мужчина с факелом. Его лица она не видела — тень падала на него, или дым застилал глаза. Но знала: это он. Тот, кто вчера стоял у её стойки, смотрел на неё в упор, спрашивал её имя, откуда она знает его...

— Сделай это, — сказала она, и голос не дрогнул.

Факел полетел в солому. Пламя взвилось, лизнуло подол юбки, рвануло вверх. Жар обжёг лицо, и в этом огне она наконец увидела его — близко, совсем близко. Он плакал. Слёзы текли по его лицу, а руки, опустившие факел, дрожали.

— Прости, — сказал он. — В этот раз — прости.

Она хотела ответить, но пламя уже вошло в грудь, и вместо слов из горла вырвался только крик.

Марфа проснулась с этим криком. Села на постели, хватая ртом воздух. Всё тело было покрыто холодным потом, волосы рассыпались по плечам, и сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

— Глупости, — прошептала она в темноту. — Всё это глупости.

Но голос дрожал.

Она встала, подошла к рукомойнику, плеснула в лицо ледяной воды. Постояла, опершись руками о край стола, глядя в мутное окно, где только начинало сереть небо. В голове всё ещё горел тот огонь. И лицо его — мокрое от слёз, искажённое болью — стояло перед глазами.

— Я не верю в сны, — сказала она громко, будто споря с кем-то. — Не верю.

Она злилась. На сон, на себя, на этого чужого мужчину, который посмел явиться к ней даже ночью. Но больше всего — на то, что сердце, это глупое, закованное в броню сердце, отозвалось на его слёзы. Ей было его жаль. И она ненавидела себя за это.

В зале было пусто, когда она спустилась. Девки ещё спали, только Агафья возилась на кухне, грела воду. Марфа прошла к стойке, провела ладонью по гладкому дереву. Оно хранило ночную прохладу.

— Хозяйка, вы рано, — Агафья выглянула из-за занавески. — Не спалось?

— Спалось, — отрезала Марфа. — Дела не ждут.

Она принялась перебирать бутылки, хотя знала каждую из них на ощупь. Руки работали, голова была занята, но мысли всё равно возвращались к огню, к его лицу, к этим словам: «В этот раз — прости».

— Чего он просил прощения? — спросила она у пустого зала. — И за что?

Ответа не было.

К полудню в доме началась обычная суета. Девки мыли полы, меняли бельё, на кухне зашипело сало, запахло жареным луком. Марфа раздала указания, проверила кладовую, поругала Агафью за пятно на скатерти. Всё как всегда. Но взгляд её то и дело уходил к двери.

Когда она поймала себя на этом в третий раз, она разозлилась по-настоящему.

— Чего уставилась? — рявкнула на подвернувшуюся под руку девку. — Работа есть! Вот и работай!

Девка испуганно шмыгнула прочь. Марфа осталась у стойки, сжимая в руках тряпицу, и чувствовала, как внутри закипает злость — на себя, на этот странный сон, на то, что она, Марфа, хозяйка этого дома, женщина, которую бояться и уважают, стоит сейчас и ждёт, когда же откроется дверь.

— Не дождёшься, — сказала она себе. — И не нужно.
Она вновь начала протирать стойку.

В это же утро Василий Петрович Холмогоров сидел в своей избе на портовой площади и перечитывал бумагу, пришедшую с утренним гонцом.

Ответ из столицы был краток. Формально — всё в порядке. Подорожная выписана, имя в списках есть, печать стоит. Но печать была такая, что его писарь, глянув, побледнел и тихо сказал: «Это не наше дело, воевода. Это выше».

— Выше чего? — рявкнул Холмогоров.

— Выше нас, — ответил писарь и больше ничего не добавил.

Холмогоров отправил гонца в порт, велел расспросить, откуда прибыл корабль, кто встречал, кто говорил с чужаками. Ответ пришёл быстро: корабль пришёл из столицы, человек этот сошёл на берег один, ни с кем не заговаривал, заселился на постоялый двор и сразу направился в дом Марфы. И больше ничего.

— Ничего не бывает, — буркнул Холмогоров, сворачивая бумагу. — Если человек приехал по делу, у него есть цель. А если цели нет, то она есть, но скрытая.

Он вышел на крыльцо, глядя на серое небо, на мокрые крыши, на редких прохожих, торопящихся по своим делам. Город жил своей жизнью, но Холмогоров чувствовал: что-то меняется. Этот чужак, этот столичный гость с непонятными бумагами и слишком уверенным взглядом — он принёс с собой перемены. А Холмогоров не любил перемен.

— Будем смотреть, — сказал он себе. — Будем смотреть и ждать.

Анатолий в это время стоял на причале, слушая человека, который встречал его в день приезда.

— Всё так, как ты говорил, — тот говорил тихо, почти шёпотом, хотя вокруг никого не было. — Сидоров обосновался здесь, дом купил, торговлю завёл. Никто не знает, кто он на самом деле. Но документы при нём. Я видел, как он доставал их, когда пил с купцами. Хвастался, дурак.

— Где они? — спросил Анатолий.

— При себе держит. Или в доме, в тайнике. Мы не нашли.

Анатолий кивнул. Сидоров — бывший столичный чиновник, прихвативший с собой важные бумаги, которые могли стоить головы не одному человеку. Его нельзя было просто арестовать — слишком много шума. Надо, чтобы он сам отдал. Или чтобы с ним случилось то, что случается с теми, кто вспоминает о долгах.

— Я сам поговорю с ним, — сказал Анатолий. — Ты только скажи, где он бывает.

— В портовых кабаках. А ещё... — человек замаялся. — Он ходит в один дом. Тот самый, где ты был вчера.

Анатолий повернулся к нему.

— В дом Марфы?

— Да. Сидоров там постоянный гость. Любит выпить, любит поговорить, любит похвастаться. А хозяйка его терпит — платит хорошо.

Анатолий долго смотрел на тёмную воду залива, на корабли, покачивающиеся у причала, на чаек, что с криком носились над волнами. В голове складывалась картина. Непростая.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я подумаю.

Он отпустил человека и пошёл, но не в каморку на постоялом дворе, а куда-то без цели, просто чтобы идти, чтобы мысли улеглись. Но мысли не укладывались. Они возвращались к Марфе, к её лицу, к её голосу. И к тому, что этот Сидоров — тот самый, кого он ищет — ходит в её дом.

«Значит, всё равно придётся прийти, — подумал Анатолий. — Прийти и сказать ей, кто я на самом деле. Или не всё, но достаточно, чтобы поняла.».

Ночью ему приснилось другое.

Он стоял в высоком зале, где каменные своды уходили вверх, а свет падал из узких окон, прорезая сумрак золотыми полосами. На нём были доспехи — тяжёлые, холодные, с выбитым на груди гербом, которого он не помнил.

Перед ним, на ступенях трона, стояла женщина. В тяжёлом платье, расшитом золотом, с короной на голове.

Марфа.

Она смотрела на него сверху вниз, и в её глазах не было страха. Только усталость. И что-то ещё, что он не умел назвать.

— Ты уходишь, — сказала она. Не спросила, утвердила.

— Я должен, — ответил он.

— Знаю.

Он шагнул вперёд, взял её руку — тонкую, с тяжёлым перстнем на пальце. Наклонился, коснулся губами её ладони. Она была как лёд.

— Я вернусь к тебе, — сказал он. — В этот раз — вернусь.

Она не ответила. Только смотрела ему вслед, когда он повернулся и пошёл к выходу, где уже ждали кони и знамёна, и ветер, и долгая дорога, из которой не возвращаются.

Анатолий проснулся от того, что сердце колотилось где-то в груди, как пойманная птица. Он сел на койке, провёл рукой по лицу. Сон уже таял, но тяжесть осталась. Тяжесть обещания, которое он дал и не сдержал.

— В этот раз, — прошептал он в темноту. — В этот раз всё будет иначе.

Вечером он пришёл в дом Марфы.

В зале было шумно. За столами сидели купцы, грузчики, несколько заезжих. Девки сновали между ними,

смеялись, наливали. В углу, как всегда, сидел Холмогов, пристально глядя на дверь.

Марфа стояла за стойкой. Увидев его, не улыбнулась, не нахмурилась. Только чуть прищурилась, и он понял: она ждала.

Анатолий подошёл, сел на лавку напротив. Положил на стойку серебряный рубль.

— Настойки, — сказал он.

Марфа поставила перед ним кружку, не спеша, словно хотела продлить этот миг.

— Пей, — сказала она.

Он взял кружку, но не отпил. Поставил обратно, глядя ей в глаза.

— Я должен тебе кое-что сказать, — начал он тихо, чтобы только она слышала.

Она замерла. Рука, лежавшая на стойке, чуть дрогнула.

— Говори, — ответила так же тихо.

— Я здесь не просто так, — сказал он. — У меня есть дело в городе. Я ищу одного человека. Он... взял то, что ему не принадлежит. Я должен это вернуть.

— И что, если не захочет? — спросила Марфа.

Анатолий помолчал.

— Тогда я сделаю так, чтобы он захотел. Или чтобы это уже не имело значения.

Она смотрела на него долго. В серых глазах мелькнуло что-то — то ли страх, то ли уважение, то ли что-то ещё, что он не умел читать.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила она.

— Потому что я не хочу, чтобы ты думала обо мне как о случайном госте, — ответил он.
— Я здесь не просто так. И ты... — он запнулся, но всё же сказал: — Ты не просто так.

Она молчала. Отвернувшись к бутылкам, начала переставлять их, хотя они и так стояли ровно. Но он видел, как дрожат её пальцы.

— Сны — это не жизнь, Анатолий, — сказала она, не глядя. — Я не верю в то, чего не было.

Он тихо ответил:

— А если было?

Марфа обернулась. В её глазах он увидел то, чего не ждал: не гнев, не страх, а что-то древнее, глубокое, что-то, что она прятала годами.

— Тогда, — сказала она хрипло, — нам бы лучше никогда не встречаться.

— Слишком поздно, — ответил он.

Она сжала губы, отвернувшись. В зале шумели, смеялись, звякали кружками. А они стояли друг напротив друга, разделённые стойкой из гладкого дерева, и чувствовали, как между ними натягивается нить — тонкая, но прочная, как та, что связывает два берега одной реки.

— Иди, — сказала Марфа. — Меня ждут посетители.

Он встал, взял кружку, отпил настойки. Поставил обратно.

— Я приду завтра, — сказал он. — Тот, кого я ищу, бывает здесь. Может, я его встречу.

Она ничего не ответила. Только смотрела, как он идёт к выходу, прямой, уверенный, чужой. У самой двери он обернулся.

— Марфа.

— Что?

— Тот сон, про костёр... ты тоже его видела?

Она побледнела. Пальцы вцепились в край стойки.

— Спросишь завтра, — сказала она. — Если придёшь.

Он кивнул и вышел.

Марфа осталась одна. Она стояла, глядя на дверь, которая закрылась за ним, и чувствовала, как в груди всё ещё горит тот огонь — из сна, из прошлого, из того, чего не было, но что она помнила всем телом.

— Зачем ты пришёл? — прошептала она в пустоту. — Зачем я тебя вижу?

Ночь не ответила. Только свечи потрескивали в тишине, да где-то за стеной тихо смеялась Агафья.

Марфа провела ладонью по лицу, словно стирая наваждение. Но оно не стиралось. Оно жило в ней теперь, как тот огонь, который она носила в себе целую вечность.

А за окнами шумел порт, и где-то там, в ночи, шёл человек, который нёс ей не покой, не любовь, не смерть — а что-то, что было сильнее всего этого. И она боялась. Но ещё больше она боялась, что он не вернётся.

Глава 6. Тот, кто плетёт

Степан не спал.

Он сидел в своей каморке, прислушиваясь к голосам, доносившимся из залы. Там было шумно — гости, девки, стук кружек. И среди этого шума он слышал его. Низкий, спокойный, уверенный. Тот, с перстнем. Опять здесь.

Степан стиснул зубы. Три дня этот чужак торчит в их доме. Три дня мать смотрит на него так, как никогда не смотрела на сына. Три дня Степан чувствует себя не хозяином, не мужчиной, а нашкодившим щенком, которого выставили за дверь.

Он встал, прошёлся по каморке. Стены давили. Вчера он узнал кое-что интересное. Этот Анатолий ищет Сидорова. Того самого купца, который толстосумит в порту, ворочает товарами и никого не боится. Зачем ему Сидоров? Степан не знал. Но он знал другое: Сидоров боится. Кого-то боится. И платит тем, кто может его за щитить.

Степан усмехнулся. Он умел договариваться. Он умел быть полезным. И если этот столичный гость так хочет найти Сидорова, а Сидоров так хочет знать, кто за ним охотится — почему бы не стать тем, кто сведёт их вместе? За небольшую плату, разумеется.

Он натянул рубаху, поправил волосы, провёл ладонью по лицу. Надо выглядеть прилично. Надо, чтобы Сидоров увидел в нём не пропойцу, а делового человека.

Через полчаса он уже сидел в портовом кабаке, за дальним столом, напротив Сидорова. Купец был пьян, но не настолько, чтобы потерять осторожность. Он щурил маленькие глазки, разглядывая Степана, и мясистые пальцы барабанили по столешнице.

— Говоришь, тот, кто меня ищет, ходит к твоей матери? — переспросил он.

— Каждый вечер, — кивнул Степан. — Сидит, пьёт, смотрит. А сегодня, может, и вовсе до утра задержится. — И чего он хочет?

— Не знаю. Но у него перстень дорогой, и говорит он как человек, который привык приказывать.

Сидоров помрачнел. Пальцы перестали барабанить.

— А ты, значит, хочешь мне помочь? — усмехнулся он.

— За просто так?

— За деньги, — честно сказал Степан. — Я скажу, когда он придёт. Предупрежу, если что замышляет. А ты будешь спокоен.

Сидоров долго смотрел на него, потом достал из-за пазухи кожаный мешочек, бросил на стол.

— Половина сейчас. Половина, когда узнаю, кто он и что ему надо. И если узнаю, что врёшь — найду, Степан. Ты меня знаешь.

Степан взял мешочек, взвесил на ладони. Потянул.

— Не вру, — сказал. — Я тоже хочу знать, чего он хочет. И я хочу, чтобы он убрался из нашего дома.

Он поднялся, не прощаясь, и вышел в ночь. Мешочек грел ладонь, но на душе было мутно. Он продал чужого — это одно. Но он продал и мать? Нет, он просто рассказал Сидорову правду. А правда такова: этот чужак опасен. И пусть Сидоров сам с ним разбирается.

Степан зашагал быстрее, и мысли его успокоились. Всё правильно. Он защищает свой дом. А мать... мать ещё пожалеет, что не дала ему того, что он просил.

В доме Марфы вечер был в самом разгаре.

Анатолий сидел за дальним столом, откуда была видна и стойка, и дверь. Он пил настойку медленно, почти не прикасаясь к кружке, и ждал. Человек сказал: Сидоров здесь бывает почти каждый вечер. Значит, рано или поздно он придёт.

Марфа за стойкой была холодна и собрана, как всег да. Но Анатолий замечал: она смотрит на него. Коротко, быстро, но смотрит. И каждый раз, когда их взгляды встречались, по спине пробежал холодок. Или жар. Он уже не понимал.

— Гость, — Марфа подошла к нему с кувшином. — Не надоело сидеть?

— Жду, — ответил он.

— Кого?

— Того, кто должен прийти.

Она налила настойку, поставила кувшин на стол. Наклонилась чуть ближе, чтобы никто не слышал:

— Если ты про Сидорова — он будет. Ближе к ночи. Любит, когда девки уже пьяные.

Анатолий поднял на неё глаза.

— Ты знаешь, зачем он мне нужен?

— Не знаю, — сказала она. — И не хочу знать. Но если ты пришёл в мой дом с чужими делами, то будь добр, не приноси их сюда. Я здесь порядок держу, а не разборки.

Он кивнул.

— Я ничего не принесу. Я просто буду сидеть.

Она смотрела на него ещё мгновение, потом развернулась и ушла к стойке. Но Анатолий заметил: она не злилась. Она... волновалась. За него? За себя? Он не знал.

В полночь дверь распахнулась, и в залу вошёл толстый, краснолицый мужчина в дорогом кафтане. Он громко здоровался, хлопал девок по мягким местам, требовал лучшего вина и лучшую комнату. Марфа встречала его с каменным лицом, но голос был ровным, услужливым. — Сидоров, — прошептал Анатолий себе под нос.

Он не двинулся с места. Только смотрел. Как тот усаживается за стол, как зычно смеётся, как хватает за руку Агафью, которая подносит ему кружку. Как Марфа, стоя на своём рабочем месте, сжимает губы, но молчит. Анатолий ждал. Он умел ждать.

Через час, когда Сидоров захмелел и стал ещё громче, Анатолий поднялся. Подошёл к его столу, спросил:

— Место свободно?

Сидоров поднял мутные глаза, скользнул взглядом по чёрной рубахе, перстню, лицу.

— Садись, — буркнул. — Кто таков?

— Проезжий, — ответил Анатолий, садясь напротив. — Слышал, у тебя дела большие. Хотел познакомиться.

— Дела? — Сидоров хмыкнул. — Дела у меня есть. А ты кто по делу?

— Купец. Из столицы.

Сидоров вдруг замер. Мутные глаза стали вдруг острыми, внимательными.

— Из столицы, говоришь? — переспросил он. — И что ж ты, купец, в нашу глушь пожаловал?

— Товар ишу, — спокойно ответил Анатолий. — Слышал, здесь есть чем поживиться.

— Товар, — Сидоров усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Ну, ищи. А я, знаешь, не люблю, когда за моим столом чужие сидят. Особенно из столицы.

Он поднялся, тяжело опираясь о столешницу. Девки шарахнулись.

— Хозяйка! — крикнул он. — Где моя комната? Я спать!

Марфа вышла из-за стойки, жестом показала на лестницу. Сидоров, пошатываясь, направился к ней, но на полпути обернулся, глянул на Анатолия.

— Ты, купец, — сказал он. — Ищи товар в другом месте. Здесь тебе нечего ловить.

И, не дожидаясь ответа, полез по лестнице, тяжело ступая, держась за перила.

Анатолий остался за столом. Марфа подошла, собрала кружки.

— Плохой у вас нынче разговор вышел, — сказала она негромко.

— Он знает, зачем я здесь, — ответил Анатолий. — Или догадывается. Это плохо.

— Ты уходишь? — спросила она.

— Нет. Теперь тем более нельзя.

Она вздохнула, убрала посуду. Хотела уйти, но он остановил её:

— Марфа.

Она замерла.

— Сегодня, ко мне в комнату, пробрался гость... Это был твой сын.

Она обернулась. Лицо её стало белым.

— Что он сказал?

— Ничего. Он просто смотрел. А потом ушёл.

Марфа молчала. Пальцы её, сжимавшие край стола, побелели.

— Я разберусь, — сказала она наконец. — Сама.

— Он что-то задумал, — тихо сказал Анатолий. — Я не знаю что, но мне не нравится.

— Степан всегда что-то задумывает, — ответила Марфа. — Это его способ быть нужным.

Или казаться таким.

Она отошла от стола, и больше они не говорили. Но Анатолий знал: она не будет спать. Как и он.

Когда гости разошлись, когда девки погасили свечи и дом затих, Марфа всё ещё стояла за стойкой. Анатолий не ушёл. Он сидел в углу, молчал, ждал.

— Ты бы шёл, — сказала она, не глядя. — Утро скоро.

— Я подожду, — ответил он.

— Чего?

— Пока ты скажешь, что мне сделать.

Она подняла голову. В серых глазах — усталость, страх, что-то ещё, что он не мог определить.

— Ты пришёл в мой дом, — сказала она медленно. — Ты ищешь того, кто опасен. Ты втягиваешь меня в свои дела. А теперь спрашиваешь, что тебе делать?

— Я не хотел втягивать тебя, — сказал он. — Я пришёл просто... просто чтобы быть рядом. А вышло так.

— И как теперь быть? — спросила она.

Он встал, подошёл к стойке. Не к ней — к преграде, разделяющей их. Положил руки на гладкое дерево.

— Скажи, — попросил он. — Если хочешь, чтобы я ушёл — уйду. Если хочешь, чтобы остался — останусь. Если хочешь, чтобы я убрал Сидорова из твоего дома — уберу. Только скажи.

Она смотрела на него. Долго. В тишине, где слышно было только их дыхание и редкий скрип половиц.

— Я не знаю, — сказала она наконец. — Я не знаю, что мне делать. Я привыкла всё решать сама. А тут...

Она замолчала.

Анатолий протянул руку через стойку. Не спеша, давая ей время отстраниться, уйти, сказать «нет». Она не ушла. Она стояла, глядя на его руку, на широкую ладонь, на перстень с медвежьей лапой.

— Не надо, — сказала она. Но не отступила.

Он взял её руки. Осторожно, как берут то, что может разбиться. Её пальцы были холодными, жёсткими, с вьёвшейся в кожу пылью от щеток и воска. Руки женщины, которая держит дом. Руки, которые не просят о помощи.

— Я никуда не уйду, — сказал он тихо. — Что бы ни случилось.

Она не ответила. Не выдернула руки. Стояла, глядя на его пальцы, обхватившие её ладони, и чувствовала, как тепло перетекает от него к ней. Медленно. Нежно. Так, как не было никогда.

— Глупости всё это, — сказала она, но голос дрогнул.

— Может быть, — согласился он. — Но я хочу быть рядом.

Она подняла глаза. В них не было слёз, но было что-то, что он не видел раньше. Не доверие ещё. Не любовь.

Надежда. Осторожная, как первый лёд на луже.

— Завтра, — сказала она. — Завтра поговорим. А сейчас... иди.

Он отпустил её руки. Медленно, нехотя. Она опустила их, спрятала за спину, будто боялась, что он снова возьмёт.

— Я приду, — сказал он.

— Знаю, — ответила она.

Он вышел. А она осталась стоять, чувствуя на пальцах его тепло, и думала о том, что уже не может представить этот дом без него. И это было страшнее, чем Сидоров, чем Степан, чем всё, что могло случиться.

На улице светало. Степан сидел в подворотне, сжимая в кармане мешочек с деньгами, и смотрел, как из дома матери выходит чужак. Тот шёл быстро, не глядя по сторонам, и в его шаге была уверенность человека, который получил то, что хотел.

Степан сплюнул под ноги. В груди клокотала злоба.

— погоди, — прошептал он. — Утром Сидоров узнает, где ты поселился. И посмотрим, как ты заговоришь.

Он встал и пошёл к портовым кабакам. Ждать утра. Ждать, когда можно будет нанести удар. Ждать, когда мать поймёт, кто здесь настоящий мужик.

Глава 7. Тени и шепотки

Холмогоров метался по избе, как зверь в клетке.

— Кто он такой?! — голос воеводы гремел, заставляя писаря в углу вжимать голову в плечи. — Откуда взялся? Почему я не могу до него добраться?

На столе лежал ответ из столицы. Короткий, сухой, ничего не значащий. Подорожная в порядке, имя в списках есть, печать стоит. Какая печать — даже говорить не хотелось. Его писарь, глянув, побледнел и прошептал: «Это выше нас».

— Выше? — Холмогоров схватил бумагу, сжал в кулаке. — У меня в городе нет ничего выше! Я здесь закон! Я здесь власть!

Старый стрелец, его помощник, сидел на лавке у двери, молчал. Он знал Холмогорова двадцать лет. Видел его и в бою, и в мире, и пьяным, и трезвым. Знал: когда воевода начинает метаться, лучше не лезть. Переждёшь — сам остынет.

— Чего молчишь? — рявкнул Холмогоров, швырнув бумагу на стол. — Скажи что-нибудь! Подскажи!

— А что тут подскажешь? — стрелец пожал плечами. — Бумаги в порядке. Печать такая, что у нас и не видали. Значит, человек этот — не нашего ума дела.

— А моего — ума? — Холмогоров сверкнул глазами. — Или мне, по-твоему, сидеть сложа руки, пока какой-то столичный шаромыга в моём городе свои порядки устанавливает?

— А он устанавливает? — тихо спросил стрелец. — Мы ж не знаем, чего ему надобно. Может, приехал, сделает своё и уедет. Чего нам с ним ссориться?

— Затем, что он к ней ходит! — вырвалось у Холмогорова. Он сам не ожидал, что скажет это вслух, и на миг замер, потом махнул рукой, будто отмахиваясь от мухи. — Ладно. Не твоё дело.

Стрелец понимающе кивнул. И не стал спрашивать, к кому «к ней». И так ясно.

— Я сам за ним прослежу, — сказал Холмогоров, натягивая кафтан. — Без вас. Узнаю, чего ему надо. И если он хоть пальцем её тронет...

— А если не тронет? — осторожно спросил стрелец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.